Глава 3.

— Великий Старейшина Пафос, — уважительно промолвили могущественные существа и смиренно опустились на колени. Тот, кого они назвали Пафосом, мгновение помедлил с ответом:

— Ахаз, отправляйся вместе с Ямадзэном на планету Священная Звезда. Если удача будет на его стороне, он сможет вернуть свою божественность.

Ахаз поднял голову, вновь склонился в поклоне и негромко промолвил в ответ:

— Да, Великий Старейшина.

Ямадзэн в свою очередь вздохнул с облегчением и восторженно воскликнул:

— Благодарю тебя, Великий Старейшина!!!

Через мгновение Ахаз с Ямадзэном поднялись на ноги. Ахаз начертил пальцем круг в пространстве, который открылся, словно дверь. Они с Ямадзэном шагнули внутрь и разрыв в космосе затянулся вслед за ними.

— Риуллум, ты ничего не хочешь мне рассказать? — Мягко спросил Пафос.

Риуллум на мгновение замешкался с ответом:

— Ничего такого, что требовало бы вашего внимания, Великий Старейшина.

Почти сразу же после его ответа из пустоты показалась чья-то фигура. Странным образом лица его было не разглядеть, словно пространство сгущалось вокруг него.

— Интересно, вокруг тебя осталась аура наставника, — проговорило странное существо, которое и оказалось могущественным Пафосом, способным одним своим присутствием заставить богов раболепно ползать на коленях. Только голос у Пафоса теперь отчего-то был женский.

Существо подошло к Риуллуму, который содрогнулся от недоброго предчувствия. Оно протянуло бесформенную руку, которая на глазах становилась всё более и более похожей на человеческую. Стали видны белоснежные нефритово-гладкие, нежные пальчики.

Рука коснулась щеки Риуллума:

— Как я скучаю по нашему любимому наставнику… — С болью в голосе проговорила Пафос. — Младший братик… Ты ведь не хочешь меня расстроить, верно?

Риуллум не смел взглянуть в лицо существа, даже несмотря на то, что оно ласково поглаживало его по щеке.

— Великому Старейшине Пафосу не о чем беспокоиться. Я очистил остатки следов наставника, — промолвил он и в голосе его была слышна боль.

— Почему ты больше не называешь меня старшей сестрёнкой, как делал это в те времена, когда Наставник ещё был с ними? Мы взошли, но несмотря на это остались семьёй, — как выяснилось, это существо приходилось Риуллуму старшей сестрой.

— Этот ничтожный божок не смеет говорить с Великим Старейшиной в таком тоне, — неторопливо проговорил Риуллум, который не мог знать, что затеяла его «старшая сестрёнка», и оттого держался настороже.

— Юю, ты всё ещё переживаешь из-за того, что случилось множество эонов назад? Наставник хотел погрузить вселенную в хаос даже после того, как его Святейшее Величество Верховный Бог лишил его титула Великого Старейшины и сделал Священным Божеством. Он продолжал следовать своему плану даже после того, как стал богом, равным тебе, Ахазу и Ямадзэну. — Пафос немного помедлила, — Этот выбор привёл его на путь хаоса и разрушения — полную противоположность гармонии и балансу, которые мы жаждем обрести. Его Святейшее Величество всё сделал правильно. Наставник сам выбрал свой путь. Невозможно изменить первичные законы, даже самому Верховному Богу это не под силу, иначе мир бы погрузился в хаос.

На лице Риуллума не дрогнул ни один мускул:

— Благодарю тебя, Великий Старейшина Пафос, за то, что напомнил мне об этом предателе. Как бы мне хотелось быть тем, кто ударил ему в спину, пока он всецело был поглощён своим заданием.

Пафос неторопливо убрала руку от щеки Риуллума. Хотя в его словах и не было прямого оскорбления, но слова о подлом поступке явно задели Пафоса. Скрыв руку в клубящейся, бесформенной черноте, Пафос проговорил своим обычным холодным голосом:

— Священный Бог Риуллум, отправляйся к остальным и помоги им вернуть души в круг перерождения. Ты связан с этим беспорядком, и пусть первичные законы не покарали тебя, я всё равно доложу об этом Его Святейшеству. Дальше он сам решит твою судьбу, — слова младшего брата явно задели Пафоса.

— Разумеется, Великий Старейшина. Это ничтожное существо тотчас же отправится на помочь и будет ждать справедливого решения Его Святейшества, — Риуллум поднялся на ноги, вновь склонился в поклоне и ступил внутрь разрыва в пространстве, открывшегося прямо перед ним.

— Ох уж этот мальчишка… — Сердито прошипел Пафос, но не стал надолго зацикливаться на шпильке, выпущенной в его адрес. Реальность, клубившаяся вокруг бога, немного сдвинулась в сторону и стала видна его фигура. Пафос обернулся и посмотрел вниз, словно пронзая океан своим взглядом.

Он задумчиво проговорил, обращаясь к самому себе:

— После перерождения невозможно понять, где окажутся души. Вселенных, которые постоянно расширяются в бесконечность, так много, что невозможно узнать, где родится это странное создание.

Ямадзэн отныне был простым смертным, а значит, Пафос мог с лёгкостью читать его мысли и просматривать воспоминания, однако обращать время вспять противоречило первичным законам круга перерождения. Даже сильнейшие боги вынуждены следовать определённым правилам.

— Почему я не вижу, что прочёл Ямадзэн внутри разума этой странной души? Поговорю с ним об этом потом, сейчас у меня и без того много дел, Его Святейшество явно не обрадуется подобному беспорядку. Нужно будет найти кого-то на замену Ямадзэну, нам нужен новый краеугольный камень, — вздохнул Пафос, и пустота, скрывавшая его тело, совсем исчезла.

Хотя круг реинкарнации был спасён от неминуемого уничтожения, воронка из душ всё ещё была нестабильной. Потребуется время, чтобы всё вернулось на круги своя, а для этого необходимо божество, которые будет присматривать за циклом перерождения.

А пока все боги были заняты наведением порядка, Зениф в это время ощущал странное движение своей души во тьме, царящей вокруг. Всё вокруг пульсировало, словно он оказался внутри бьющегося сердца.

Он видел где-то под собой небольшой силуэт, но не мог сконцентрироваться на нём, потому что он с огромным трудом сопротивлялся накатившей на него сонливости Вскоре душа Зенифа мало-помалу начала перетекать внутрь этого небольшого вместилища.

"Это моё новое тело?" Зениф не был идиотом. Он всё прекрасно понимал. Едва ли на свете найдётся ещё одна душа, которая бы сохранила свои воспоминания из прошлой жизни, не говоря уже о том, чтобы запомнить круг реинкарнации.

Процесс вливания его души в новое тело завершился. Зениф не мог открыть глаза, он чувствовал себя слабым и ранимым. Наконец-то у него было новое тело. Но в этот момент на его челе вновь появились те самые отметки из круга перерождения.

Зениф чувствовал себя на редкость странно. Всё тело пронзила острая боль. Казалось, будто эта маленькая плоть не подходит для его могущественной души, что его сейчас разорвёт, будь он хоть сто раз вершиной творения. Он беззвучно кричал от боли, а каждую клеточку его тела пронзила нестерпимая, обжигающая боль.

Он слышал приглушённые крики боли, доносившиеся откуда-то извне окутывавшей его тьмы, которая была ничем иным, как чревом его матери. Крики сопровождались чьими-то тревожными голосами.

Не обращая на них внимания, Зениф пытался сконцентрироваться на своей плоти. "Моё тело!!!... Почему так чертовски больно... Почему опять появились эти отметины?! Ты пытаешься нас убить?" Его мысли были обращены к тёмной копии самого себя, без сомнения, и сейчас находившейся внутри каменного храма.

Казалось, что больнее быть просто не может. Но в то же время эта боль несла в себе и частичку облегчения. Зениф понимал: эти страдания необходимы для того, чтобы закалить его тело и душу.

"Может быть, благодаря этой боли моё тело сможет адаптироваться к могуществу мой души? Но если так и дальше пойдёт, то мы оба умрём!" Подумал Зениф, страдавший от бессильной злости.

Прошло полчаса адских мучений. Зениф прилагал все мыслимые усилия только для того, чтобы не потерять сознание. Когда прошёл час, у Зенифа путались мысли, он был совершенно вымотал из-за физической боли и немыслимого морального напряжения. В конце концов, он был всего лишь младенцем, готовившемся появиться на свет. Но тут его крохотное тельце подхватила какая-то необратимая сила и потянула вслед за собой.

Во тьме проклюнулся лучик света. Зениф понимал: скоро ему предстоит появиться на свет. Он изогнулся всем своим крохотным тельцем, чтобы не быть задушенным пуповиной, ведь ему хотелось, чтобы процесс рождения прошёл как можно быстрее и безопаснее.

Десять минут. Двадцать минут. Пятьдесят минут. Час. Крохотное сморщенное тело Зенифа

мало-помалу продвигалось к выходу, пока, наконец, не вышло полностью из тела матери. Новорождённого тут же подхватила пара морщинистых рук. Свет был таким ярким, что Зениф не мог открыть глаз.

Боль всё никак не желала отступать. При взгляде на Зенифа могло показаться, будто этого ребёнка сварили заживо, если бы не странные отметины на его теле и не неуверенные движения новорождённого, который за всё время ни разу не заплакал.

Зениф словно бы пытался собрать себя по кусочкам. Он прислушивался к речи людей, которые его окружали, но как ни старался, не мог понять ни слова. Но пусть он и не улавливал смысла, он всё же мог различить эмоции.

Тот человек, что находился ближе всего к нему, был явно озадачен и немного смущён.

Женский голос, судя по всему, принадлежавший молоденькой девушке, звучал испуганно.

Ещё один мужчина неподалёку заикался и даже плакал. Он был одновременно и рад и встревожен.

Был там и ещё один голос: женский, звучавший печально и беспокойно, но в то же время счастливо и умиротворённо.

Зефон собирался с силами, чтобы открыть глаза, но тут услышал, как открылась дверь и кто-то вошёл в палату. Мужчина, что прежде был встревожен и напуган, теперь едва сдерживал свою ненависть.

Затем до ушей новорождённого донеслись причитания. Казалось, будто где-то неподалёку кричит старая карга. Мужчина заорал на неё, явно рассерженный её словами. Зениф не понимал ни слова, поэтому мог считывать лишь эмоции в голосе присутствующих людей.

Если бы не слабость, не позволявшая даже открыть глаза, Зефон бы увидел женщину, чья молодость давно миновала. На ней было надето красное платье в восточном стиле с западными мотивами. Эта женщина явно была чем-то недовольна. Лицо у неё перекосилось от гнева и отвращения, когда она указала пальцем на младенца, который в её глазах выглядел, точно демон. И если бы не речевой барьер, Зениф прекрасно понял бы следующие её слова:

— Т-ты… Ты произвела на свет грешное создание. Посмотри на него, он вообще человек?! Я ведь говорила тебе, что ты, моя дочь, сделала неверный выбор, выйдя замуж за этого хрена с горы. Боги покарали меня за мою слабость! — Женщина настолько обозлилась, что с трудом сдерживала рыдания. — Мой внук… Нет, этот демон… Теперь одной крови с нами… Урк…

Женщина в красной одежде издала такой звук, будто с трудом сдерживала рвоту. Девушка-служанка, стоявшая рядом с ней, сделала шаг вперёд и, положив руку на спину женщины, попыталась её утешить:

— Глава дома, пожалуйста, постарайтесь не злиться. Это вредно для вашего здоровья, — успела проговорить девушка до того, как «глава дома» перевела свой гнев на неё.

— Да что ты понимаешь! Как бы ты себя чувствовала, если бы твой внук оказался демоном?! Ты посмотри на него! — Прокричала она, после чего стремительно выбежала из комнаты.

— Чертова… Как вы смеете оскорблять моего ребёнка, как смеете называть его демоном? У вас что, нет ни капли уважения и сочувствия к живому существу?! Да как бы у меня и моей жены

мог родиться демон?! Мы что, похожи на демонов?! Считаешь, что твоя дочь могла родить демона?!!

Прошипел громадный, варварского вида мужчина, одетый в странную смесь из меховых одежд и доспехов. Его взгляд метал стрелы в спину женщины, которая только что выбежала из комнаты, и в пришедшего с ней мужчину, который покидать палату не торопился.

— Как смеешь ты, принесший это демоническое отродье в наш дом, рычать на меня? — Возмутился мужчина, который, судя по его одежде, был важной шишкой. Это был отец роженицы, дедушка младенца Зенифа.

На нём была мантия, в которую были искусно вделаны детали брони, затейливо украшенные витиеватыми изображениями. Однако красота одежды резко контрастировала с грубостью его слов.

— Забирай своего мерзкого демонёныша прочь из моего поместья. Возвращайся к своим хижинам из говна и палок, на свою дремучую гору. Я и без того слишком долго терпел твоё присутствие. Дальше видеть тебя я не намерен. Я хотел всего лишь нормального, здорового внука, а получил… вот это!!!

— Отец… Прошу тебя… — Измученная родами девушка собрала оставшиеся силы, чтобы попытаться всё исправить, но разгневанный отец не дал ей вымолвить ни слова.

— Ты моя дочь, и я разберусь с тобой потом. Пусть небеса устроят мне справедливый суд, поскольку я продолжаю считать тебя своей дочерью и даю этому выродку шанс выжить, выгоняя его вместе с его отцом с глаз моих долой…!

Ни одного слова об этом событии не должно выйти за пределы нашего дома. Я не позволю, чтобы из-за этого демона имя нашей семьи было опорочено. В противном случае кто-то головой ответит за свой болтливый язык, а все, кто живут в горах, будут стёрты с лица земли. Я понятно выражаюсь? — Он выразительно посмотрел на троих присутствующих, что не были членами его семьи.

Странные отметины, украшавшие лицо маленького Зенифа, бесследно исчезли прямо на глазах у качавшей его пожилой женщины.

— Хмм… — Задумчиво протянула она, не обращая ни малейшего внимания на крики и ругань, заполнявшие комнату.

http://tl.rulate.ru/book/50832/1458050